

ШаМаШ БраМиН

Обратная сторона

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ШаМаШ БраМиН
Обратная сторона

«ЛитРес: Самиздат»

2019

БраМиН Ш.

Обратная сторона / Ш. БраМиН — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Этот рассказ - трагедия взросления, непонимания и безразличия. К себе, к близким, к окружающим. Результат замены плохой реальности на еще худшее ненастоящее. Итак, куда приводят синтетические мечты помутненного сознания? Содержит нецензурную брань.

© БраМиН Ш., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Обратная сторона

Ненавижу предисловия. Занудные, уродливые и ненужные излишества. Особенно если пишут их к работам малой формы. Но к этому рассказу предисловие просто необходимо. Иначе кому-то может показаться, что в человеческих трагедиях, описанных в рассказе, есть и моя морально-этическая, или даже уголовная ответственность.

Итак, этот рассказ эпизод из жизни наркомана, если это можно назвать жизнью. К сожалению, я знаком с этой андерграундной, вернее сказать могильной, субкультурой. Слава всем богам, знаком касательно. Но достаточно, чтобы убедиться – реальность разнообразия миров находится внутри разума.

Главная новость: нет необходимости в химических или натуральных «красках», чтобы разрисовать окружающую нас иллюзию. Такого рода «краски» безвозвратно разрушают свой собственный мир, миры близких и случайных людей. Лучший наркотик – сознание и разум. Чистый, острый и трезвый.

Приятного прочтения.

Часы на здании горсовета пробили один раз. Стрелки указывали половину шестого. Дёня начал свой уличный концерт. Дешевенькая электрогитара с портативным усилителем, выдававший виды микрофон, картонная коробка для пожертвований и неперенный драйв. Иногда примазывались Гена со своими раздолбанными барабанами, и саксофон дяди Миши, если к вечеру еще не был в дым.

Ровно в половину шестого. В 17-30. Всегда. Исполнял уличный музыкант одиннадцать песен. Всегда. Всё дело в знаках. Семнадцать плюс тридцать равно сорок семь, дальше – четыре плюс семь равно одиннадцать. И с другой стороны – один плюс семь плюс три плюс ноль тоже одиннадцать. Знак? Однозначно. Ко всему большая стрелка на огромных часах между пятью и шестью. В сумме сколько? Верно. Следить за знаками обязательно. Без этого никак, особенно если ты торчок.

О знаках Дёня узнал в клинике, куда его в тот раз упек папаша. «Понимаешь, братан – мямлил сосед по палате – все уже случилось за долго до нас. Представь, зашел ты в эту хату. Койки привинчены, стулья тоже, тумбочки к стене намертво прибиты, решетки на окне. Что ты можешь изменить? Ничего. Так и в жизни. Все уже расставлено по местам. Тебя остается смотреть в оба, чтобы не наебнуться». В этом что-то есть. Что-то настолько очевидное, что сразу и не заметишь. Как воздух. Через пару месяцев раздумий и наблюдений парень отличал важное и неважное, необходимое и пустое. В принципе, понимание знаков это все что ему дало лечение в клинике. После выписки, он первым делом побежал к толкачу. Батя был в командировке. Чем не знак?

Заработанных на улице денег было мало. Жил он на папины деньги. Во всяком случае, пока числился студентом. О том, что будет после, Дёня не задумывался. Вообще наркоманы не планируют дальше следующей дозы. Петать под гитару это все что он по-настоящему любил, после дури. И отдавался этой любви со страстью. Каждый день.

Как бы то ни было, Дёня не считал себя наркоманом. Никакой зависимости. Разве привычка видеть жизнь цветной называется зависимостью?

Краски из Дёниных глаз исчезли в десятом классе. Он выходил из раздевалки в спортзал ... И бах. Краем глаза он заметил темно оранжевое пятно, несущееся с противоположного конца зала. Но было поздно. Полупущенный баскетбольный мяч смачно облепил ему лицо. Одноклассник – гребаный футболист, как профессионал, приложился ногой к мячу. Дёню от удара подкинуло, и голова оказалась на полу раньше его ног. Подбежавшие коллеги нашли Дёню без сознания с отпечатанными на лице полосками от мяча. Школьник пришел в себя в медпункте. Открыв глаза, он оказался в черно-белом сне.

Мир полусвета и полутеней. В полусне дремлющей головной боли. Никаких компромиссов. Светлое стало белым, темное – черным. И расплывчатые границы сочетания. Это называется серым. Силуэт домов на светлом фоне заката – черные прямоугольники на сером фоне. И ослепительно белое пятно на месте солнца. Серые лица родителей, одноклассников, друзей. Серые вещи, серые картинки, серые авто, деревья, дома. Серое море, серое небо. Серое. Серость хуже белого и черного. «Лучше ослепнуть – малодушничал он – Серый мир хуже черного квадрата».

Отсутствие красок усилило и без того мучительную пытку взросления. Врачи не обнаружили ничего серьезного. Возникшие затруднения объяснили просто: переходный период, симуляция болезней из-за потребности во внимании. Проблема не физиологическая, а психологическая. Строгий папа диагностировал просто: патологическая лень и лживость. И прописал универсальный, по его мнению, рецепт – ремень. Тем более, что и до этого ремень был лучшим средством от всех Дённых проблем. Ни врачи, ни мать не возражали. Прокурорам редко кто возражает. А батя был хороший прокурор, и на работе, и дома.

Естественно, папин рецепт не вернул краски в жизнь сына. Парень смирился с черно-белым сном. Но как бывает в любом сне, выход находится, не там где ищешь, а там когда настала пора.

– Да брось, Дэн. От одной тяги ничего не будет.

Одноклассник протянул Дёне раскуренную папиросу. Дёня подозрительно огляделся по сторонам. За недостроенным корпусом кроме них никого. Папиросный дым пах жженой листвою. Он недоверчиво взял папиросу, но затянуться не решался. Треп о вреде всего взрослого: курения, алкоголя, наркотиков. С курением и алкоголем уже познакомились. Ничего особенного. Так, непонятные ощущения, которыми и приятными не назовешь. А вот с наркотиками он столкнулся впервые.

– Да не ссы ты – подбадривал его другой дружок, выдыхая долго удержанный в легких дым – Трава не наркотик.

Дёня сомневался. Если отец узнает, ему конец.

– Давай, Дэныч. Или тянешь, или пускай дальше. Нефиг культуру переводить – поторопил его третий дружок, потянувшись за косяком.

Дёня отдернул руку с окурком. Затянулся.

– Напас не выдыхай, держи, сколько сможешь – посоветовал ему кореш.

Дым больно обжег горло. С непривычки Дёня кашлянул, но вовремя остановил приступ, удержав дым в легких. Голова легко закружилась. Противная кислятина напомнила детство. Пацанами они играли в войнушку и, для реалистичности, надо было курить. В фильмах всегда все курят. Стырить сигареты у деда побоялись. Разобрали бабушкин веник. Сорго от метлы на вид напоминал сигарету, к тому же со слащавым вкусом. Кому-то пришлось в голову поджечь сорго и покурить. Противный, кислый вкус засел глубоко в памяти.

Юноша уже собрался выпускать папиросный дым, как вдруг что-то щелкнуло. Цык. Мир погрузился в мутную дымку. Черно-белая картинка в сознании поплыла. Когда кадр сфокусировался, мир стал другим. Реальность приобрела цвет. Улыбка сама по себе растянула губы.

– Что, Дениска, приход? Вытырило? – весело спросил дружок.

Дёня рассеяно кивнул. Отвыкшие от многообразия красок глаза жадно хватили и передавали в мозг открывшуюся палитру. Разноцветная осенняя листва, зеленые островки травы на угольно-черном фоне свежескопанной земли, сероватый бетон недостроенного здания с рыжими крапинами ржавой арматуры, ярко синее небо и ослепительно белые облака. Черно-белый кошмар закончился. Настоящий, полноценный, красочный мир.

– Я говорил, хорошая трава – ломавшийся голос дружка рассмешил Дёню.

– Дай еще напас – попросил он.

– На – протянул приятель догорающую папиросу – Не жалко. Сегодня я проставляю, завтра ты. Или ты. Или ты.

Засмеялись. Было легко и весело. Казалось, терзавший кошмар подходит к концу, рассвет близок. А когда он откроет глаза, ворвется в свой белый день.

Полноцветная явь оказалась не долгой, но ощущение кошмарного полусна перестало его преследовать. Дёня уже знал, где искать выход.

Борю-хулигана посадили. Достать траву оказалось не у кого. С незнакомыми мажорами никто не рисковал связываться, ни подвальные рокеры, ни патлатые переростки, ни наглые цыгане.

Выход в цветную реальность предложил одноклассник:

– Все просто. Я по телику видел. Мазок клея «Момент» в полиэтиленовый пакет. И на голову.

– А как пакеты снимем? После прихода – засомневался другой дружок.

Решили подрядить дауна Симу. Ему можно было доверить тайну, не опасаясь того, что об эксперименте пацанов, узнает весь двор, включая родителей. Дружок дал дауну часы:

– 11 минут. Сима снимает пакеты с голов. Мы дадим Симе полтос. Понял?

– А почему 11? – спросил Дёня

Одноклассник усмехнулся:

– Потому, что на прикурке бейсболка с номером одиннадцать.

– Аааа ... – Дёня внимательно посмотрел на темно серую кепку с двумя белыми единицами. Спорить не стал. Хотел быстрее вернуть свою реальность.

Пакеты накинули одновременно. Дёня глубоко вдыхал ядовитые пары. От дыхания пленка покрылась паром. Парень зажмурился. Вдох, выдох. Открыл глаза. Сквозь пелену просачивалось белое пятно – проем дверей подвала недостроенного корпуса. Вдох, выдох. «Туман улетучится, все станет таким, как было ... как надо» Вдох, выдох. В проеме появился черный силуэт. Задремавший уголок сознания подсказал: это Сима. «Почему черный? Почему не цветной? – вопросы разочаровано метались в клетке сознания. Вдох, выдох. На спине силуэта появились две пары прозрачных стрекозиных крыльев. На фоне белого пятна проема просто дымка в тумане. Вдох, выдох. Хрупкие крылья приняли голубоватый оттенок. «Наконец – подумал Дёня – Я просыпаюсь». В горле свербело, до тошноты. Жутко болела голова. Еще вдох Стало легко и тепло, как зимним утром в постели под уютным одеялом.

Крылья затрепетали. Голубой цвет стал темнеть. Все кругом завибрировало. Послышалось жужжание. Силуэт Симы неуверенно приподнялся и воспарил над грязным полом подвала. «Класс! – лениво восторгалось сознание – Я тоже так могу!». Дёня почувствовал за спиной крылья. Но взлететь вслед за дауном не получилось. В последний момент, от белого пятна проема, с неприятным скрежетом, во все стороны поползли грязно коричневые трещины. Чей-то свист. Потом крик, переходящий в скрежет. Реальность стала плоской. Проекция силуэта крылатого Симы на белом пятне с коричневыми трещинами оказалось картинным полотном, которое, как рухнувшая стена, придавило Дёню к полу. Стало трудно дышать. Грязно коричневый цвет покрывался бурыми пятнами. Крылатый силуэт уменьшался в размерах. С ужасом Дёня понял, даун Сима уходит. «Стой! Ты куда, идиот?» пытался остановить его Дёня. Но из белого пятна, от удаляющегося силуэта, вылетел огромный черный круг с цифрой «11». Заорала сирена, и пошел обратный отчет. Дёня со страхом ожидал нуля. Вскоре цифра «1» сменилась на «0»...

Белый потолок с черными морщинками. Дёня попытался повернуть голову. Боль миллионами кувалд ударила по каждой клеточке распухшего мозга. Парень застонал. Он снова оказался в черно белом сне. Оглядел помещение: несколько пустых, аккуратно застеленных серых

коек, белые стены, мрачный серое окно. За ним черные ветки с темно серыми листиками на светло сером фоне. Опять постылый серый сон. «Сима все перепутал» – подумал юноша, когда в палату вошла женщина в белом халате.

Позже красномордый врач сказал, что парням повезло. Но можно ли назвать везением возвращение в этот серый кошмар?

Отец изошёлся на дерьмо. Длиннющие, банальные, скучные речи, от которых просто хотелось сдохнуть. Отодранные уши, увесистые подзатыльники, и даже хук в челюсть. Угрозы, напутствия, предостережения. Тоска.

– Сейчас я возьмусь за твоё воспитание – кричал папаша.

Виновна оказалась мать. Ей досталось больше чем Дёне.

– Тупая сука, без меня ничего не в состоянии сделать – указывал отец на мать, сидевшую с отрешенным видом в кресле, приложив пакет со льдом к разбухающему глазу.

Робкая, миловидная, вечно чем-то напуганная, она никогда не играла особой роли в их семье. «Пустое место. Приложение к быту. Ошибка природы» – самые ласковые комплименты мужа.

Вскоре после выписки, мать ушла от них. Однажды вечером просто не вернулась домой. Бежала. Сидя запертым в опустевшей квартире, Дёня окончательно осознал – все это сон, кошмарный, серый сон. Эта реальность – сон. Он не верил, не сомневался, не надеялся. Он уже просто знал.

Оказавшись «под колпаком» у бати, Дёнин мир свернулся до серой квартиры, серой школы, серой физиономии угрюмого крепыша, папиного сослуживец. Тот ходил за парнем по пятам. Ждал у дверей школьных классов, сидел на соседнем стуле в столовке, даже в туалет ходил вместе с Дёней. После уроков провожал домой, запирали входную дверь и садились напротив Дёни. Утром снова, серый пейзаж за серым окном. Серая рожа крепыша, иногда такая же отцовская. Серая улица, школа. Один сплошной черно белый день сурка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.